

ЛИТЕРАТУРНАЯ ЖИЗНЬ

DOI 10.37386/2305-4077-2022-4-157-166

Т.В. Казарина¹

Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева

КОНЦЕПТУАЛИЗМ: ЖИЗНЬ ПОСЛЕ СМЕРТИ

В статье анализируется тот вклад, который был внесён русскими концептуалистами в отечественную литературу и продолжает ощущаться в новую эпоху – в частности, в жизни блогосферы. В период формирования концептуализма ненависть к казённой официальной речи заставляла поэтов выявлять те зоны языка, которые не поддались смысловому разложению и образуют новую поэтическую реальность. В дальнейшем концептуалисты сосредоточились на формировании нового субъекта – того, кто сможет стать её обитателем. Блогерская деятельность Рубинштейна является логическим продолжением той же практики. Это проявляется прежде всего в необычной для жанра блога диалогической установке автора. Она превращает автора в модератора, создающего поле пересечения разных дискурсов.

Ключевые слова: концептуализм, идеология, стиховая конструкция, микроспектакль, означаемые, «карточная» поэзия, блог

T.V. Kazarina

Samara National Research University named after Academician S.P. Korolev

CONCEPTUALISM: LIFE AFTER DEATH

The article analyzes the contribution that Russian conceptualists have made to Russian literature and continues to be felt in the new era – in particular, in the life of the blogosphere. During the formation of conceptualism, hatred of official official speech forced poets to identify those areas of language that did not succumb to semantic decomposition and form a new poetic reality. In the future, the conceptualists focused on the formation of a new subject – the one who can become its inhabitant. Rubinstein's blogging activity is a logical continuation of the same practice. This is manifested primarily in the author's dialogical attitude, which is unusual for the blog genre. It turns the author into a moderator, creating a field of intersection of different discourses.

Keywords: conceptualism, ideology, verse construction, micro-performance, signified, “card” poetry, blog

Одним из первостепенных для российской литературной жизни 60-70-х годов XX века был вопрос о способах защиты словесности от воздействия идеологии. Разумеется, поиском таких возможностей занимались не в официальных проправительственных кругах, а там, где ценились идеи творческой свободы

---

¹ Татьяна Викторовна Казарина – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русской и зарубежной литературы и связей с общественностью факультета филологии и журналистики Самарского национального исследовательского университета имени академика С.П. Королева, г. Самара, Россия. Электронный адрес автора: kazarina_tv@bk.ru.

художника и признавалась автономия литературы от официальной политики. Но фронт противостояния официозу быстро рос. В литературоведении (прежде всего тартуском или, по крайней мере, идейно родственном тому, что предлагалось школой структурно-семиотических исследований во главе с Ю.М. Лотманом) одним из ключевых становится в это время принцип имманентного анализа текста – как род оборонительной стратегии, как форма защиты от насильственного «вчитывания» – «вкладывания» в произведение «идейного содержания», не предусмотренного собственной семантикой текста. В подобной защите нуждались в первую очередь несомненные художественные ценности, такие, как классическая поэзия, – чтение «вплотную» предполагало заведомо уважительное, повышенно бережное отношение к написанному, приоритет текста над истолкованием.

Но для литературы и искусства конца советской эпохи влияние идеологии стало всепроникающим: в зоне идеологического воздействия теперь находились и сам художник, и язык, которым он пользовался. В такой ситуации было невозможно отделить текст от условий его функционирования, от контекста. Идеология перестала быть орудием внешней агрессии, – она пропитала собой саму литературу. А значит, бережное отношение к тексту становилось нерелевантным.

Не удивительно, что попытки отразить натиск казённого единомыслия предпринимались изнутри литературы. В наиболее радикальных вариантах – у московских концептуалистов. Вектор их активности то совпадал, то расходился с тем, что предлагали ведущие литературоведы, но программы действий тех и других близки по своей направленности. Хотя это противоречит первому впечатлению, деятельность русских концептуалистов тоже носила исследовательский характер, причём их интерес к восприятию художественного текста постоянно рос.

Концептуализм родился из ненависти к официальному языку. В этой ненависти его идея, его пафос, одушевляющая его страсть. Уже поэты-лианозовцы считали, что «язык изгадился», и искали способы писать стихи «в обход идеологии», а значит, используя слова особым образом, на своих условиях. В этом отношении наиболее изобретателен был Всеволод Некрасов. Как поэт, он начинает с ядовитого высмеивания газетной абракадабры:

Рост
Всемерного дальнейшего скорейшего развертывания мероприятий
По
Всемерному скорейшему дальнейшему развертыванию мероприятий
По
Скорейшему дальнейшему всемерному развертыванию мероприятий
По
Дальнейшему скорейшему всемерному развертыванию мероприятий
[Некрасов, 2002, с. 18]

Издеваясь над шедеврами казённого красноречия, Некрасов не просто радуется промахам врага, – он очень последовательно ищет способы идеологической дезактивации слова. Поначалу – путём невыгодных для официальной речи сближений.

Первые концептуалисты (живописцы особенно) любили помещать всем известные символы в бытовой контекст, – это позволяло убедиться в их неадекватности – чуждости всему, что является миром нашей обычной жизни. Всеволод Некрасов делает нечто подобное: переводит с «эзотерического» языка партийных лозунгов на примитивно-бытовой, придаёт идеологическим призывам и максимам тот вид, в котором они и оседают в народном сознании. Сбросив свои «царские одежды», эти формулы обнаруживают примитивизм, даже убожество упакованных в них представлений:

КТО ЕСТЬ ЧТО

Блатные плохие
 Рабочие хорошие
 Трудящие руководящие <...>
 Активисты оптимисты
 Коллектив как актив
 А актив как коллектив <...>
 Почему идеалисты
 Все индивидуалисты
 В смысле абстракционисты <...>
 Прогнозники позорники
 Дворники сапожники
 Врачи портачи
 В Сочи одни сволочи
 Водители давители
 Пассажиры паразиты
 Жители нарушители
 Левые смелые
 Правые кровавые <...>
 Хорошо еще вообще
 ответственность
 На себя берет вообще
 Общественность
 [Некрасов, 2002, с. 28].

Следующий этап поисков Некрасова – переход от дискредитации официального слова – к выявлению тех зон языка, которые не поддались разложению. Поэт присматривается к сочетаниям слов, которые допускают добавочный способ прочтения, то есть кроме привычного и очевидного (воспринимаемого в первую очередь) несут какой-то ещё, «запасной», смысл.

День окончен
 Дело к ночи

 У кого
 дело к ночи?
 [Некрасов, 2002, с. 22].

В словосочетании «дело к ночи» можно услышать намёк на чьи-то с ночью переговоры, общие дела, а не только указание на время суток. За «прозаическим» значением приоткрывается дополнительный смысловой слой.

Но чаще всего Некрасов делает опорой стиховой конструкции слова со столь обобщённым значением, что они не способны быть идеологемами – наречия, междометия, союзы. Поэт использует их не оценённое свойство – близость к жесту. Такие слова – звуковые проекции действий, поэтому так часто подкрепляют себя мимикой и телодвижениями. Они принадлежат к наиболее архаическим пластам языка. Как писал М. Бахтин, они «почти не имеют значения», зато они «неотделимы от конкретной ситуации их осуществления» [Бахтин, 2000, с. 435]. А значит, с их помощью легко воспроизвести такую ситуацию – с почти театральной наглядностью и осязаемостью:

да
кстати

не так и плохо
тепло

и прочее

тепло

и правильно

и правильно
и не пора ли
[Некрасов, 1998]

Эта миниатюра похожа на микроспектакль: в ней легко узнаётся характерный для русского человека резкий переход от самоутешения к агрессии: как нетрудно понять, сначала он уговаривает себя примириться с трудными обстоятельствами, а затем резко, без перехода, начинает нападать на тех, кто занимает другую позицию.

Преодолеть автоматизм в восприятии и использовании слов Некрасову помогает их возвращение в предметную среду, всё большее и большее сближение означающего с означаемым и даже обозначаемым.

Это сближение часто демонстрируется читателю как процесс, радикально меняющий ситуацию с каждым новым шагом:

Зима
Зима зима
Зима зима зима
Зима зима зима зима
Зима
Зима
Зима

И весна
[Некрасов, 2002, с. 56]

Первая строка называет некое внешнее явление. Вторая по законам речи должна сообщать что-то новое, и семантическое обновление действительно происходит: теперь это состояние мира приобретает динамику – зима длится: «зима зима». Приращение смысла произошло не за счёт новых лексем, а благодаря повторению всё той же. Ещё одно повторение делает зиму не просто долгой, а невероятно долгой: «зима зима зима». Пауза перед четвёртой строкой заставляет ощутить, что разговор перешёл в другую плоскость: теперь нам сообщается не просто о продолжении сезона, – о том, что зима превратилась в единственно возможное состояние мира, обступила со всей четырёх сторон, не оставив места ни для чего другого. Теперь весь мир – это «зима зима зима зима». Это слово приобретает статус физического объекта: зима всё более осязаема, воспринимается всеми органами чувств – как слово и внешняя данность, которые теперь неотделимы друг от друга. И когда следующие строки опять укорачиваются до одной лексемы, это, скорее всего, указание не на исход зимы (она будет названа «по имени» ещё трижды), – это констатация того, что зима стала душевной мукой, превратилась в неотступный кошмар. То есть зима здесь – уже не внешняя реальность, а внутренняя – эмоция. Итоговое «И весна!» просто меняет модальность этого переживания.

Слово выводится из зоны, где оно могло получить идеологическую окраску (как, например, в выражениях «ядерная зима», «страшная зима 41-го» и под.), и «приватизируется», становясь осязаемой вещью и душевным состоянием.

При том, что в тексте много раз повторялось одно и то же слово, язык выступал в разных функциях: сначала в номинативной, затем в коммуникативной, затем в экспрессивной (или симптоматической, по Р. Якобсону), то есть не в том порядке, как они исторически возникают, а в обратном. От того, чем язык стал, к тому, чем он был в момент рождения. Это такое же, как и в прежнем примере, движение к языковой архаике – назад, к не обременённому идеологическими обертонами слову.

В ходе подобного движения поэзия стремится если не создать, то, по крайней мере, за столбить за собой отдельную территорию, языковую нишу и тем самым отстоять своё право на существование. Демиургический пыл раннего авангарда здесь укрощён, но он всё же присутствует: кубофутуристы строили мир с нуля, а конкретисты (ранние концептуалисты) вылущивают из слов не повреждённую пропагандой смысловую основу и предъявляют её как фундамент новой поэтической реальности.

Если разговор о концептуалистах принято начинать с фигуры Всеволода Некрасова как первопроходца, то замыкающим в ряду этих художников скорее всего следует считать Льва Рубинштейна. По его деятельности можно судить о том, как направление развивалось в дальнейшем – по мере превращения конкретизма в зрелый концептуализм.

Слава пришла к Рубинштейну, когда этот поэт стал создавать тексты на библиотечных карточках и тасовать их на глазах аудитории. На каждой карточке было нечто написано – обрывок чьей-то речи, суждение автора и т.п.

Вот первый попавшийся пример:

46. – Да не говорите вы ерунду! При чем здесь “Горе от ума”, когда это “Мертвые души” <...> / 51. ТРИ-ЧЕТЫРЕ... / 52. В этой жизни против жизни не попрешь. Даже если ничего в ней не поймешь... / 53. ХОРОШО! / 54. Наша жизнь не то чтоб мнима, но она не из всех точек Вселенной нам видна... / 55. ЗАМЕЧАТЕЛЬНО! / 56. Практикантик там один – ничего, между прочим. Так смотрит – ой-ё-ёй... / 57. ТРИ-ЧЕТЫРЕ... / 58. – Кто симпатичный? Эта макака усатая – симпатичный? Ну ты даешь! / <...> 59. – С ужасом думаю, что скоро лето, босоножек нет, этого нет, ничего нет... / <> – 60. Вот ты гуманитарий. Ты мне объясни, почему слово “говно” пишется через “о”...» [Рубинштейн, 1986].

Позже Дмитрий Пригов будет хоронить некоторые из своих стихов в бумажных гробиках [Джейкоб, 2012], – и Рубинштейн поступает почти так же: фразы обрываются на полслова, вырываются из контекста, – в общем, умерщвляются. И припечатываются к бумаге: карточки становятся их персональными могилами. Живое слово опредмечивается, окаменевает, но во время акции снова воскресает – реплики звучат, карточки мелькают, образуя всё новые конфигурации.

В этой игре меняются местами не только мёртвое с живым, но и бытовое с философским, поэтическое с прозаическим, – в общем, «всё вертится, и кружится, и несётся кувырком». Никаких объяснений того, куда оно «несётся», то есть в чём смысл происходящего, зрителям-слушателям никто не даёт. С какой целью завертелась эта карусель, реципиент должен объяснить себе сам. А это означает, что ему передована авторская роль – право завершающего слова, финального жеста, который придаёт произведению целостность и сообщает этому единству смысл.

Интерпретировать происходившее на акциях Рубинштейна пытались многие. У этой загадки оказалось много разгадок: Михаил Айзенберг ценит в перформансах Рубинштейна «тактику ускользания от любой завершенности и определённости». По его мнению, перформансы Рубинштейна – это «попытка выйти за пределы жанров, потом за пределы видов литературы, потом – за пределы самой литературы». Туда, где искусство существует «не как вещь (произведение), а как событие (ситуация)» [Айзенберг, 1997, с. 238]. Для Джералда Яничека каждое такое действие – метафора бесплодности бытия, по Борису Гройсу, разоблачение «механистичности романтического дискурса» [Гройс, 1979], с точки зрения Марка Липовецкого – скорее, взгляд на человеческую участь как на череду «бесконечных попыток построить своё из чужого и заимствованного» [Липовецкий, 2008, с. 356].

Но, что интересно, при всей разнице мнений эти и другие авторы друг с другом не полемизируют. Это не тот случай, когда возможно «единственно верное» прочтение, устраивающий всех вывод. Такой перформанс побуждает к индивидуальной активности, к выработке личного мнения, а не к поискам общего. И сама включённость в эту деятельность уже является искомым результатом.

Таким образом, конкретисты (и Некрасов в первую очередь) создавали для искусства новую почву, поэтическими методами синтезировали реальность, а концептуалисты (в том числе Рубинштейн) этот мир населили – сотворили для него нового творческого субъекта – автора и реципиента в одном лице.

С этими блестящими достижениями концептуализм пришёл к своему финалу. Но тут началось то, что можно назвать жизнью после смерти – его вне-институциональное существование, которое хочется истолковать как новый виток того же сюжета.

Сегодняшний Лев Рубинштейн – популярный блогер. В своих эссе он обсуждает то, что будоражит большинство людей – политические новости, скандалы в сфере искусства, жизнь звёзд и т.п. Но всё это подаётся в особом преломлении – через призму языка и литературы, – они, в понимании автора, всегда фокусируют внимание на самом существенном и делает это ненавязчиво. И у Рубинштейна разговор может строиться, например, вокруг того,

– правда ли, что слово «вдохновение» культурнее, чем «жопа»? [Рубинштейн, 2018, с. 40],

– какой посыл несёт надпись на футболке «Я русский!»? Гордость? Самоуничтожение? Предупреждение? Скрытую угрозу? [Рубинштейн, 2018а, с. 48]

– Почему способно вызвать радостный смех сообщённое водителем диспетчеру “МКАД забит. Я съехал на Рублевку”? [Рубинштейн, 2018а, с. 101]

– Допустимо ли вольничать с чужим языком? Если Рубинштейн в 90-е напридумывал много забавных имён якобы полевых командиров – Ушат Помоев, Букет Левкоев, Рулон Обоев, Билет Догаваев и под. – это ксенофобия? Великодержавный шовинизм? [Рубинштейн, 2018а, с. 123]. И т.д. и т.д.

Мы привыкли к тому, что в блогах автор высказывается от первого лица, – и здесь всё происходит именно так. Но всё-таки эссе Рубинштейна создают ощущение присутствия не при монологе, а при диалоге. Прежде всего потому, что поэт избегает всего, что делает его личную точку зрения выделенной, привилегированной – нажима и проповеднических интонаций. Он предпочитает балагурить, острить, вспоминать забавные случаи, рассказывать анекдоты – и всё это воспроизводит атмосферу застольной дружеской беседы. В рамках такого жанра коммуникация важнее информации. Здесь цель разговора – само общение, встреча точек зрения, радость от их обилия и разнообразия. Но этот дружеский трёп гармонично соединяет:

– «я» и «мы»: в дружеской беседе они открыты друг другу;

– прошлое и настоящее (наблюдения и воспоминания здесь чередуются);

– чувства и мысли: утверждения автора подкрепляются не столько логическими доводами, сколько живыми примерами, а они производят прежде всего эмоциональное впечатление.

Например, миниатюра «Нюхать или учить» [Рубинштейн, 2019] – обсуждение того, что в сегодняшней литературе важнее, произведение или личность его автора. Поводом становится высказывание Владимира Яковлевича Проппа, однажды написавшего, что литература, кто бы что ни говорил, ничему не учит. Но она бесценна, поскольку даёт ощущение счастья, а счастье облагораживает.

Рубинштейн с восторгом цитирует классика филологической науки, но тут же вносит поправку: так было когда-то – когда книга становилась событием. При

нынешней перенасыщенности книжного рынка «пришло время во главу угла ставить фигуру автора как точку пересечения силовых линий культуры. В разные времена главные силовые поля назывались «что», «как», «для кого», «зачем» и т.д. Теперь, как мне кажется, в первый ряд вышло «кто»» [Рубинштейн, 2019].

Автор эссе знает, что и ему возразят: «Да какая разница, какой он человек! – говорят мне, – Да, он глуповат, он пошловат, он подловат, он озорен, сто-зевен и лаей. Но он зато написал сильнейший роман. При чем тут те или иные свойства его личности?» [Рубинштейн, 2019]. Рубинштейн предвидит и другие возражения: «Моя жена однажды сказала»... «Мне говорят»... «Некоторые принялись меня урезонивать»... Число собеседников растёт, и спор приобретает всё более горячий характер, пока автор не припоминает анекдот «про то, как учитель в еврейской школе передал записку родителям одного из своих учеников. Записка была следующего содержания: «Господа родители. От вашего Моню пахнет. Моню надо мыть». На следующий день Моня передал учителю записку от своих родителей. Там было написано: «Господин учитель. Моню не надо нюхать. Моню надо учить» [Рубинштейн, 2019].

Это очень характерный для Рубинштейна ход, когда «история замещается историями, байками и анекдотами, а мифы – комедиями языка» [Липовецкий, 2008, с. 584]. Как видим, Рубинштейн сначала даёт дискуссии разрастись, потом – приобрести более демократичный характер (анекдот перевёл на язык фольклора всё тот же вопрос – должна ли читателя интересовать личность автора произведения? – но изменил регистр беседы). Однако, похоже, главная забота блогера – не дать спору затихнуть, и в финале, когда, казалось бы, пора подводить итоги и завершать диспут, он объявляет его открытым: «Можно ли и нужно ли «учить Моню», предварительно не отмыв его или хотя бы не понюхав, вопрос, в общем-то, открытый. Тут, как говорится, есть простор для дискуссии» [Рубинштейн, 2019].

Такова «фирменная» концовка большинства эссе Льва Рубинштейна. Все они ставят не точку, а вопрос:

- На чем мы там остановились, не помните? [Рубинштейн, 2018а, с. 22]
- Я вот все думаю: что же мне все это так напоминает? [Рубинштейн, 2018а, с. 18]
- Куда ж нам без них, без шпионов! Разоблачать-то ведь все равно же надо кого-нибудь! Самих себя, что ли? [Рубинштейн, 2020]
- Мы теперь слова «революция» не любим. Пусть себе дед дремлет себе там за ширмой, пока мы тут, прикольно обмотанные с ног до головы полосатой мануфактурой, отпразднуем нашу победу. Правильно, дядь Володь? [Рубинштейн, 2019а]. И т.д.

Очевидно, что такие концовки предполагают не завершение разговора, а его продолжение.

Роль автора подобных эссе состоит в том, чтобы услышать и собрать мнения, организовать диалог разных взглядов на один предмет. И в своих постах Лев Рубинштейн играет роль не столько автора, сколько модератора. В результате он, по словам Марка Липовецкого, создал новый и очень важный в современной обстановке дискурс. Я бы сказала, скорее – поле пересечения разных дискурсов,

оборудовал место встречи самых разных позиций.

На мой взгляд, это выглядит прямым продолжением работы концептуализма: после того, как он создал для творчества новую почву, а затем и условия для появления самостоятельно мыслящего индивидуума, Лев Рубинштейн, один из лидеров уже сошедшего со сцены направления, предпринял попытку этих индивидуумов консолидировать, соединить в диалоге. На месте центростремительного мира карточных перформансов у Рубинштейна возникает центростремительный мир, в котором самые важные вопросы обдумываются мыслящими людьми совместно. Для нашего автономизированного общества это дело большой важности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Айзенберг, М. Вокруг концептуализма / М. Айзенберг // Айзенберг М. Взгляд на свободного художника. – Москва: Гендальф, 1997. – 164 с.

Бахтин, М.М. (под маской). Фрейдизм. Формальный метод в литературоведении. Марксизм и философия языка. Статьи / М.М. Бахтин. – Москва: Лабиринт, 2000. – 320 с.

Гройс, Б. Московский романтический концептуализм / Б. Гройс. – URL: https://mmoma.ru/press/articles/boris_grojs_moskovskij_romanticheskij_konceptualizm/ (дата обращения: 7.09.2021).

Джейкоб, Э. Дмитрий Пригов и межкультурный концептуализм / Э. Джейкоб. – URL: <http://intelros.ru/readroom/nlo/118-2012/17385-dmitriy-prigov-i-mezhkulturnyy-konceptualizm.html> (дата обращения: 16.10.2020).

Липовецкий, М.Н. Паралогии: Трансформации (пост)модернистского дискурса в русской культуре 1920–2000 годов / М.Н. Липовецкий. – Москва: Новое литературное обозрение, 2008. – 814 с.

Рубинштейн, Л.С. Вовсе не ерунда / Л.С. Рубинштейн. – URL: <https://www.litmir.me/br/?b=629361&p=12> (дата обращения: 13.04.2022).

Рубинштейн, Л.С. Всяду жизнь / Л.С. Рубинштейн // Большая картотека. – URL: <https://iknigi.net/avtor-lev-rubinshteyn/100575-bolshaya-kartoteka-lev-rubinshteyn/read/page-8.html> (дата обращения: 29.01.2022).

Некрасов, Вс. Живу вижу / Вс. Некрасов. – Москва, 2002. – 244 с.

Некрасов, Вс. Лирика / Вавилон. Сост. И. Ахметьев / Вс. Некрасов. – URL: <http://www.vavilon.ru/texts/prim/nekrasov1-3.html> (дата обращения: 15.03.2022).

Рубинштейн, Л.С. Курица и Сальери. – URL: https://www.inliberty.ru/blog_54/ (дата обращения: 27.04.2022).

Рубинштейн, Л.С. Нюхать или учить / Л.С. Рубинштейн. – URL: https://www.inliberty.ru/blog_65/ (дата обращения: 2.03.2021).

Рубинштейн, Л.С. О свойствах страсти / Л.С. Рубинштейн. – URL: https://www.inliberty.ru/blog_65/ (дата обращения: 11.04.2022).

Рубинштейн, Л.С. Почему в России так не любят шпионов / Л.С. Рубинштейн. – URL: <https://www.gq.ru/society/lev-rubinshteyn-november-issue-2020> (дата обращения 15.04.2022).

Рубинштейн, Л.С. Что слышно / Л.С. Рубинштейн. – Москва: Corpus, 2018. – 312 с.

REFERENCES

Ajzenberg, M. Vokrug konceptualizma / M. Ajzenberg // Ajzenberg M. Vzglyad na svobodnogo hudozhnika. – Moskva: Gendal'f, 1997. – 164 s.

Bahtin, M.M. (pod maskoj). Frejdzizm. Formal'nyj metod v literaturovedenii. Marksizm i filosofiya yazyka. Stat'i / M.M. Bahtin. – Moskva: Labirint, 2000. – 320 s.

Dzhejkob, E. Dmitrij Prigovimezhkul'turnyj konceptualizm / E. Dzhejkob. – URL: <http://intelros.ru/readroom/nlo/118-2012/17385-dmitriy-prigov-i-mezhkulturnyy-konceptualizm.html> (data obrashcheniya: 16.10.2020).

Grojs, B. Moskovskij romanticheskij konceptualizm / B. Grojs. – URL: https://mmoma.ru/press/articles/boris_grojs_moskovskij_romanticheskij_konceptualizm/ (data obrashcheniya: 7.09.2021).

Lipoveckij, M.N. Paralogii: Transformacii (post)modernistskogo diskursa v russkoj kul'ture 1920–2000 godov / M.N. Lipoveckij. – Moskva: Novoe literaturnoe obozrenie, 2008. – 814 s.

Nekrasov, Vs. Lirika / Vs. Nekrasov // Vavilon. Sost. I. Ahmet'ev. – URL: <http://www.vavilon.ru/texts/prim/nekrasov1-3.html> (data obrashcheniya: 15.03.2022).

Nekrasov, Vs. ZHivu vizhu / Vs. Nekrasov. – Moskva, 2002. – 244 s.

Rubinshtejn, L.S. CHto slyshno / L. S. Rubinshtejn. – Moskva: Corpus, 2018. – 312 s.

Rubinshtejn, L.S. Kurica i Sal'eri / L. S. Rubinshtejn. – URL: https://www.inliberty.ru/blog_54/ (data obrashcheniya: 27.04.2022).

Rubinshtejn, L.S. Nyuhat' ili uchit' / L. S. Rubinshtejn. – URL https://www.inliberty.ru/blog_65/ (data obrashcheniya: 2.03.2021)

Rubinshtejn, L.S. O svojstvah strasti / L. S. Rubinshtejn. – URL https://www.inliberty.ru/blog_65/ (data obrashcheniya: 11.04.2022).

Rubinshtejn, L.S. Pochemu v Rossii tak ne lyubyat shpionov / L.S. Rubinshtejn. – URL <https://www.gq.ru/society/lev-rubinshtejn-november-issue-2020> (data obrashcheniya 15.04.2022).

Rubinshtejn, L.S. Vovse ne erunda / L.S. Rubinshtejn. – URL: <https://www.litmir.me/br/?b=629361&p=12> (data obrashcheniya: 13.04.2022).

Rubinshtejn, L.S. Vsyuduzhizn' / L.S. Rubinshtejn // Bol'shayakartoteka. – URL: <https://iknigi.net/avtor-lev-rubinshteyn/100575-bolshaya-kartoteka-lev-rubinshteyn/read/page-8.html> (data obrashcheniya: 29.01.2022).